

В.И. Чуешов
О ПРИРОДЕ ФИЛОСОФСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Анализируются необходимые и достаточные признаки понятия аргументации. Выделены основные критерии для дифференциации различных видов аргументации. Проанализированы логические, риторические и диалектические аспекты философской аргументации.

This article analyses the necessary and sufficient aspects of "argumentation". Author elucidates the criteria for distinguishing various kinds of argumentation. Logical, rhetorical, and dialectical aspects of philosophical argumentation are distinguished.

Ключевые слова: *аргументация, необходимые и достаточные признаки понятия аргументации, виды аргументации, философская аргументация, догические, риторические и диалектические аспекты философской аргументации.*

Keywords: *argumentation, necessary and sufficient aspects of argumentation, kinds of argumentation, philosophical argumentation, logical, rhetorical, and dialectical aspects of philosophical argumentation.*

1. Еще раз о смысле понятия «аргументация»

В русскую культуру слово «аргументация», имеющее латинское происхождение, вошло через польский язык в XVI в. как производное от имени «аргумент». Как и четыре столетия назад в современном русском языке имя «аргумент» сохраняет четыре своих

первоначальных основных значения: «убеждение»; «доказательство»; «довод»; «причина».

Горизонты нашего языка уже как бы указывают на четыре возможных направления осмысления аргументации: связанное с убеждением; ориентированное на доказательство, увязанное с обоснованием, приведением доводов; и, наконец, отождествляющее аргументацию с объяснением. В свете этимологии имени «аргументация» возможны четыре следующих ракурса ее экспонирования: персуазивный, демонстративный, конфирмативный и экспликативный.

Использованное выше обозначение направлений осмысления аргументации в быденном языке, конечно, не выдерживают испытания стандартами строгой научности. Во-первых, по причине многозначности используемых в нем выражений: аргументация-убеждение (персуазивный ракурс), аргументация-доказательство (демонстративный ракурс) и др. Эти выражения многозначны и своими оттенками, и содержанием, для выражения которых не только в быденном языке все еще не выработано удовлетворительной русскоязычной терминологии. То, что, например, в латинском языке обозначается разными словами: «персуазивность», «конвиктивность» (заметим в скобках, что в английском и французском языке также используется два разных существительных «persuasion» и «conviction») в русском не только быденном, но и научном языке выражается одним понятием «убеждение». Во-вторых, и в латинском языке, который в свое время был единственным языком науки, требуемой научной терминологией однозначности понятий аргументация-обоснование, аргумен-

тация-объяснение также никогда не было. Русское существительное «обоснование» в латинской традиции могло соотноситься и с испытанием (*probatio*), и с доказательством (*demonstratio*), и с подтверждением (*confirmatio*), и, наконец, с аргументацией (*argumentatio*).

Обыденное осмысление аргументации не может не отличаться от ее научного моделирования, концептуализации своей семантической избыточностью, многозначностью, приблизительностью, отсутствием избирательности (селективности). Наоборот, моделирование аргументации невозможно без выявления содержания и объема ее понятия, которое, как представляется, не должно все же полностью отрываться от ориентации на одно из возможных направлений ее обыденного осмысления. Такое моделирование этой ориентацией, конечно, не ограничивается, включая в себя также и сопоставление одного направления осмысления аргументации с другими направлениями, а также вписывание ее в определенную предметную область исследования, совокупность абстрактных объектов.

Если концептуализация аргументации в русскоязычной научной литературе нередко начинается с различения персуазивной демонстративности, с одной стороны, и демонстративной персуазивности, недоказательных верований и пр., – с другой стороны, то в этом случае важно не упустить из вида связь данной концептуализации с двумя — персуазивным и демонстративным — направлениями осмысления аргументации.

Моделирование аргументации является избирательно-рафинированным. В нем без специального обоснования невозможно произвольное «перемещение» рефлексии из персуазивной в демонстративную или из демонстративной в конфирмативную и т.д., и т.п. области, поскольку это ведет к смешению принципов, понятий и категорий различных предметных областей научного исследования.

В истории европейской культуры учитывающее демонстративный характер аргументации ее моделирование чаще всего реализовывалось в предметной области логики, персуазивная концептуализация аргументации осуществлялась посредством риторики, а конфирмативная диалектики. Что касается экспликативного моделирования аргументации, то оно и сегодня еще не соотносится с четко прочерченными дисциплинарными границами определенного типа научного знания.

Чаще всего экспликативная интенция осмысления аргументации сопрягалась с предметами герменевтики и методики (в аристотелевском смысле последнего слова), а также методологии, когнитологии и других теоретических форм рефлексии особенностей причинного объяснения.

Существующая и в наши дни невыявленность одной, определенной и(или) общей категориальной сетки экспликативного моделирования аргументации нередко, поэтому, приводит к тому, что механизмы причинного объяснения либо принципиально противопоставляются целям и задачам аргументации, либо неоправданно растворяются в них. Односторонность как первого, так и второго достаточно очевидна, что

видно на примере резкой критики концептуального аппарата формальной логики в философии Возрождения и раннего Нового времени. Не без ее влияния и в наши дни нередко полагают, что там и тогда, где и когда речь идет об объяснении, вопросами аргументации следует пренебрегать даже несмотря на то, что не только в науке, но и в обычной жизни мы можем неплохо понимать и объяснять некоторую точку зрения, даже не будучи с ней внутренне согласными.

Лейтмотивом не только обыденных направлений осмысления, но и возможных научных стратегий концептуализации аргументации, как мне представляется, могли бы быть слова американского философа Г. Джонстона младшего о том, что отсутствие способности к аргументации не позволяет человека называть человеком. В такой перспективе *Homo sapiens*, чтобы не выродиться в троглодита или не трансформироваться в монстра, что весьма беспокоило еще К.Линнея, не может не быть существом аргументирующим. Если аргументация является более широким понятием, чем убеждение, доказательство, обоснование и объяснение, то, вполне можно допустить и помыслить, что, как важнейшая разновидность человеческой деятельности она достойна быть объектом избирательно-рафинированной рефлексии. Для обозначения конкретно-научной устремленности данной рефлексии в последней трети XX в. стало использоваться выражение «теория(и) аргументации», для обозначения философского уровня данной рефлексии нами было предложено в 1993 г. использовать понятие «аргументология». Несмотря на то, что до сих пор достижения и теории аргументации. И аргументологии не

являются столь же впечатляющими, как у отдельных научных моделей (логической, риторической и пр.) аргументации и философских дисциплин (онтологии, методологии и т.д.), в них предварительная концептуализация аргументации уже была проделана.

Как показали пионеры конкретно-научной концептуализации аргументации Ф. ван Эмерен, Р. Грутендорст, Т. Крюгер., ее осуществление позволяет выявить следующие необходимые и достаточные признаки понятия аргументации [3, с. 1-7].

Аргументация, во-первых, коллективная деятельность. Социальная природа аргументации проявляется и оформляется в диалогических отношениях людей (спорах, дискуссиях, переговорах...).

Аргументация, во-вторых, является рациональной деятельностью. Рациональность аргументации заключается не только в том, что не эмоции и чувства, а интеллект (мышление, разум) является ее фундаментом. Совокупность всех проявлений (предпосылок, критериев, стандартов и пр.) интеллекта человека, или определенная схема рациональности является общей мировоззренческой и методологической основой (философской моделью) жизнедеятельности человека аргументирующего.

Социальная и рациональная природа аргументации неотделимы одна от другой, поскольку любая общая модель рациональности аргументации раскрывает особенности конкретно-исторических диалогических отношений (М.М. Бахтин), а любые разновидности диалога, как способа существования диалогических отношений (человека, общества, человечества)

невозможны, по меньшей мере, без проблесков интеллекта у их сторон.

В-третьих, аргументация является языковой (вербальной) деятельностью. Слово (язык, речь) и условие, и средство аргументации как сложного идео(мысле)речевого акта.

Аргументация, в-четвертых, является целенаправленной деятельностью.

Несмотря на то, что в старых и новых дисциплинарно определенных проектах концептуализации аргументации, как показывает аргументология, ее цели понимались по-разному, телеологичность, как мультиверсум целей аргументации ее необходимое условие. Подчеркивая в процессе моделирования плюрализм целей аргументации, важно не забывать об уроках здравого смысла, в особенности, факты об аргументации, представленные в словарях обыденного языка, а также уже полученные в конкретно-научной литературе результаты логико-риторико-диалектической ее концептуализации. Как первые, так и вторые дают нам сегодня веские основания полагать, что аргументация начинается там и тогда, где преследуется цель одобрения (неодобрения) некоторой мысли (точки зрения). Что касается других ее целей, в том числе и телеологического максимума, так сказать сверхзадачи, то они связаны не только с принятием некоторой точки зрения и (или) повышением степени приверженности к ней, но и с объяснением, убеждением, доказательством.

Аргументация, как социальная, рациональная, вербальная деятельность одобрения точки зрения имеет своего субъекта (аргументатора), объект (ауди-

торию), средства реализации (определенную структуру).

В структуре аргументации выделяют ее исходный пункт: точку зрения аргументации, которая одобряется (не одобряется) с помощью определенных аргументов. Вербальные средства, с помощью которых устанавливается связь между точкой зрения и аргументами называются схемой аргументации.

В схеме аргументации после Ст. Тулмина принято различать постоянные элементы, или, как их можно бы точнее назвать, структурный минимум аргументации, который идентичен структуре доказательства (доказательство, заметим в скобках, является тем телеологическим, очень редко к тому же реализуемым на практике, максимумом аргументации) и ее переменные элементы. Переменные элементы характеризуют структурный максимум аргументации. Его примерами являются и риторическая эпихейрема, и описанная Ст.Тулминым шестиэлементная структура аргументации, и диалектическое обоснование и пр. идео(мысле)речевые структуры, соответствующие, по меньшей мере, ее телеологическому минимуму.

Структурный максимум аргументации характеризуется ее зависимым (контекстуальным) полем. Следует обратить внимание на то, что понятие «зависимое поле аргументации», введенное в оборот еще Ст. Тулминым, позволяет осмысленно говорить о содержании некоторой аргументации, тогда, как дополняющий его концепт «независимое поле аргументации» характеризует ее форму.

В начале прошлого века польско-британский антрополог Б.Малиновский, изучая жизнь первобытных

народов, обнаружил следующее любопытное обстоятельство: в первобытной культуре, или, так сказать, в условиях культурного контекстуального минимума, «контекст ситуации неотделим от понимания слов».

В современной культуре, ее, так сказать, актуальном контекстуальном максимуме, обстоятельства ситуации могут значительно отрываться от понимания используемых в ней слов. С этим, как мне представляется, в первую очередь связаны современные возможности экспликативной концептуализации аргументации, толчок которым в XX в. дал норвежский ученый А. Наесс.

Роль категориальной сетки, с помощью конкретные науки и философия описывают необходимые и достаточные признаки аргументации, ее структуру, тех же понятий «зависимое поле аргументации», «независимое поле аргументации» в выработке современного содержания и объема понятия аргументации трудно переоценить.

В частности, понятие зависимого поля аргументации позволяет нам аналитически различать определенные виды аргументации: экономическую, педагогическую, философскую и т.п.

В отечественной учебной литературе по другим и, впрочем, не всегда четко указываемым основаниям, выделяются и иные виды аргументации. Например, различается эмпирическая и теоретическая аргументация, а в состав теоретической аргументации как самостоятельный элемент включается методологическая аргументация¹.

¹ См. [1, с. 34]

Очевидно, что использование в качестве основания выделения различных видов аргументации понятия «зависимое поле аргументации», позволяет через апелляцию к предмету юриспруденции, педагогики, философии и т.д. правильно классифицировать виды аргументации, четко отделяя одну от другой юридическую, педагогическую, политическую, философскую аргументацию. Наоборот, применительно к философской аргументации в случае отказа от использования концепта «зависимое поле аргументации», остаются без ответов важные вопросы о том, как связаны между собой методологическая аргументация и философская аргументация, чем отличается онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая, этическая и пр. аргументации от аргументации методологической. Оставляя здесь в стороне специальный анализ особенностей онтологической, гносеологической, методологической и т.д. разновидностей философской аргументации, попытаемся лишь рассмотреть некоторые необходимые и достаточные признаки философской аргументации в целом, а также связанные ее зависимым и независимым полем философской аргументации ее некоторые особенности, раскрывающиеся с помощью концептуальных средств логики, риторики диалектики.

2. О некоторых результатах и перспективах логико-риторико-диалектического моделирования особенностей философской аргументации

Логическая, риторическая и диалектическая концептуализация аргументации являются почти

столь же древними, как и сама философия. Вместе с тем данные направления моделирования философской аргументации до сих пор являются открытыми для обсуждения, а их результаты по-разному используются и оцениваются в истории философской мысли.

Одним из самых сильных и живучих является сегодня представление о том, что философская аргументация является не чем иным, как логикой в действии, прикладной логикой.

Данное представление уже почти превратилось в предрассудок, а поддерживающие его аргументы чаще всего специально не рассматриваются. Не претендуя на составление их исчерпывающего списка, укажем лишь пять из них. Во-первых, уже в Древнем мире логика (аналитика) стала важным элементом философской аргументации. Во-вторых, своим рождением логика как самостоятельная науки была обязана философии. В-третьих, логика и в наши дни нередко рассматривается не как математическая, а философская наука, и сами философы не устают повторять об особой роли логики в философии. В-пятых, философская аргументация, в которой нарушены какие-либо законы и(или) принципы логики является не столько плохой философской аргументацией, сколько не является философской аргументацией вообще.

Несмотря высокую оценку философами роли и места логики в их аргументации, какой-либо единственной и(или) общепринятой логической модели философской аргументации они еще не выработали. В истории философской мысли логическое моделирование философской аргументации имело, по меньшей мере, три формы: логико-аналитическую (формально-

логическую, математическую); логико-метафизическую; логико-риторико-диалектическую.

Первая форма обычно связывается с именем Аристотеля, которого нередко именуют отцом формальной логики как философской науки. Такая оценка, однако, не вполне точна, поскольку сам Аристотель слово «логика» не использовал, а его работы, относящиеся к логическому в узком смысле этого слова проблемному полю философской аргументации именовались аналитическими. Что касается особенностей философской аргументации в целом, то их сам Аристотель связывал не столько с формальной логикой, сколько с содержанием тех произведений, совокупность которых по традиции называется «Органом» (с греч. букв. – орудие).

В аристотелевский «Органон» обычно включаются не только, относящиеся к логико-аналитической модели философской аргументации произведения: «Аналитики Первая и Вторая», но и «Категории», «Об истолковании», «Топика», «О софистических опровержениях».

Стандарты аналитики в нем раскрывали условия дедуктивно-доказательного характера философской аргументации. Сам Аристотель, однако, не призывал к тому, что философская дедукция должна использоваться в философской науке повсеместно или, что она является единственно возможной формой философской аргументации. Для него не первая и вторая аналитики, а «Органон» в целом являлся введением в философию как науку о первых (последних) принципах бытия и познания. Резко не отделяя друг от друга проблемы познания и бытия, древнегреческий мыслитель

особую роль логико-аналитического ядра философской аргументации иллюстрировал в произведении, посвященном первой философии, используя язык логико-метафизического моделирования философской аргументации. Содержание основных законов формальной логики Стагирит раскрыл именно в «Метафизике», в которой им, фактически, использовалась не столько логико-аналитическая, сколько логико-метафизическая, а также логико-риторико-диалектическая концептуализация философской аргументации. Можно полагать, что в аристотелевских работах три перечисленные выше способа логического моделирования философской аргументации равноправными не были, поскольку, защищаясь им концепция специфики философского знания, как знания вечных и неизменных предельных оснований бытия и познания была во многом следствием именно логико-метафизической концептуализации философской аргументации.

В такой перспективе логико-аналитическая часть «Органона» раскрывала хотя и важную, но лишь одну из сторон философской аргументации, ее телеологический максимум. На другом полюсе телеологический минимум философской аргументации у Аристотеля учитывал реально существующий плюрализм философских учений, направлений, доктрин. Философская аргументация как некоторое целое также мыслилась, как внутренне дифференцированная. В ней наряду с теоретической, выделялись также практическая (этическая и политическая) и поэтическая (изобразительная) философская аргументация. И сегодня результаты аристотелевского анализа особен-

ностей различных форм логического моделирования философской аргументации трудно переоценить.

Проиллюстрируем его значение, обратившись к философской аргументации, посвященной бытию Бога у такого правоверного последователя Стагирита в средние века, как Фома Аквинский. Несложно показать, что космологические доказательства бытия Бога у Аквината, строго говоря, аналитически-дедуктивными не были, в отличие, например, от онтологического доказательства бытия Бога у Ансельма Кентерберийского. Наоборот, ансельмовский онтологический аргумент, Спинозовские «Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом», «Этика, доказанная в геометрическом порядке (*geometrico demonstrate*)» и сегодня остаются немногими примерами логико-аналитического моделирования философской аргументации.

И аристотелевский «Органон», и все его философское наследие в целом, правильнее, поэтому, рассматривать в качестве не логического, а более широкого рационального (логико-риторико-диалектического) моделирования философской аргументации, теории рациональности (разумности) человека аргументирующего вообще. В аристотелевской перспективе максимум аргументации достигался с помощью правильных форм опосредствованного, дедуктивного умозаключения, в котором использовались истинные посылки. Философская аргументация средней надежности и(или) минимальной приемлемости также не предполагала нарушения законов и принципов формальной логики, однако, в ней могли использоваться посылки и

рассуждения не только дедуктивного типа (если, заметим в скобках они были обоснованные, убедительные).

Важные стороны логико-риторико-диалектической природы философской аргументации Аристотель раскрывал в «Топике», предметом изучения в которой были способы мышления людей, которые считаются мудрыми и компетентными в некотором зависимом поле аргументации, в несохранившейся до наших дней «Методике», а также в ошибочно не включавшейся традицией в «Органон» «Риторике».

Важно обратить внимание на то, что, согласно Аристотелю, диалектическое и риторическое моделирование философской аргументации характеризовало, так сказать, среднюю и минимально возможную степень ее надежности, что, однако, не отнимало у философии статуса рационального и критического исследования, который по сравнению с мифологическими представлениями и религиозными верованиями выражал максимальный уровень обоснованности и убедительности некоторой точки зрения.

Вдохновлявшее Аристотеля рациональное, логико-риторико-диалектическое моделирование природы философской аргументации не было исключительно европейским явлением. Сходное моделирование философской аргументации можно было найти и в Древней Индии (в философии ньяя (букв. ньяя – исследование, а иногда и не совсем точно – логика)), и в Древнем Китае, в учении мин-цзя.

В частности, философии ньяя, по замечанию С. Радхакришнана, может считаться введением во «всякую систематическую философию. Однако, ее создатель Готама в «Ньяя-сутра» не только обсуждал во-

просы о том, чем правильное мышление отличается от неправильного, но также риторически убеждал и диалектически обосновывал, что истоком всякого спора является сомнение (саншя), что доводы, применяемые в споре, бывают поучительными и иллюстративными (дршитана), что умозаключение – способ доказательства некоторой точки зрения, и логика (тарка) – лишь один из относительно самостоятельных разделов знания об организации и проведении интеллектуальных дискуссий (вад).

Несмотря на то, что логическое моделирование философской аргументации никогда не было монолитным и единым, и в истории философской мысли оно реализовывалось в различных формах в логико-аналитической, как уже было отмечено, очень редко в систематическом виде, в логико-метафизической также нечасто, например, Гегелем, отождествлявшим логику, диалектику, теорию познания и онтологию и логико-риторико-диалектической форме (чаще всего) значение именно логического ядра современной философской аргументации трудно переоценить.

В серьезных философских трактатах наших дни было бы тщетно, например, искать формально-логические ошибки даже в том случае, если реализуемые в них стандарты надежности философской аргументации и не делятся без остатка на принципы и законы формальной (в том числе информальной), как, впрочем, и неформальной (в том числе и диалектической) логики.

Сфера логического моделирования философской аргументации, конечно, не ограничивается эскизно очерченными мною выше ее особенностями. В

ней без труда можно выявить еще ожидающие своего изучения непростые вопросы о границах формализации в философии, о специфике обоснования исходных принципов философии (укажем в скобках, что, например, трилемма Мюнхаузена является лишь взятым наугад примером затруднений, связанных с использованием процедуры обоснования-аргументации в философии). Несмотря на то, что и сегодня мы все еще далеки от исчерпывающего знания содержания и формы логической философской аргументации, ее риторике и диалектике, или другим рациональным средствам концептуализации философской аргументации по сравнению с логикой повезло еще меньше.

В истории философии серьезным барьером для риторической концептуализации философской аргументации выступало, восходящее еще к работам Платона, представление о том, что философия и риторика решают разные задачи: первая ищет истину, тогда, как вторая одобряет мнение (правдоподобное, вероятное знание). Согласно Платону, интересующая философию истина является самодостаточно персуазивной в силу своей демонстративности, тогда, как философское риторическое убеждение является средством искажения и деформации ее, движением в сторону от философии. Тем не менее, для учителя Аристотеля использование риторики и диалектики в собственных философских диалогах редкостью не было (на что ссылался еще Цицерон, называя критика риторики Платона неплохим ритором).

Не без влияния авторитета Платона, а также других, все еще ожидающих своего изучения более глубоких оснований вплоть до XX в. в среде самих филосо-

фов серьезных попыток исследования аргументационного союза философии и риторики предпринято не было. Что касается профессиональных риториков, то и они в этом деле также не преуспели, ограничившись заявлениями о необходимости для оратора знать философию.

Только в XX в. в результате углубленного изучения особенностей конфликта риторики и философии (его отдельные аспекты специально рассматривались С. Айселлингом, П. Агаяном и др.), постепенно стало приходить понимание следующего. Во-первых, что «философия не только продуцирует истины, нуждающиеся в риторической упаковке, но и открывает истины о действительной пользе самой риторики» [4, с. X]. Во-вторых, что одной из особенностей риторической концептуализации философской аргументации является ориентация философов на стандарты рациональности(разумности), или, выражаясь другими словами, что «философы не могут обойтись без риторической концепции разума» [4, с. 42]. В-третьих, действенная риторическая философская аргументация в наши дни не может не быть, по оценке М. Мейера, проблематологически риторической, или, добавим от себя, диалектически риторической. Диалектически-риторической философская аргументация будет, однако, лишь в том случае, если в ней будут не столько персуазивно сниматься (в гегелевском смысле этого слова), волнующие современное человечество проблемы, сколько, содержаться их такие рациональные решения, которые будут открытыми для будущих философских исследований. Над входом в академию современной философской аргументации, поэтому, нико-

гда не будет прибита табличка, аналогичная той, что висела в парижской академии наук, рекомендуя изобретателям вечного двигателя не беспокоить.

В природе философской аргументации в наши дни важно научиться различать не только ее новые логические и риторические, риторическо-диалектические, но и собственно диалектические стороны.

Диалектическое моделирование философской аргументации начинается с признания тезиса о том, что философская аргументация всегда была составной частью более широкого целого: философской коммуникации, или диалога, моделированием закономерностей которого и является диалектика. Участники диалога всегда обмениваются репликами, в качестве которых философы используют особые точки зрения, именуемые идеями.

Философские идеи: «мир конечен», «человек – высшая ценность» и т.д. никогда реально в истории философии не аргументировались в стихии чистой мысли (законы которой раскрываются в процессе логического моделирования философской аргументации), а отстаивались перед лицом конкретной (универсальной) аудитории (ее принципы раскрывает аргументационно-центричная риторика). Они всегда были вплетены в социально-исторический диалогический историко-философский процесс.

Вместе с тем, в этом процессе иногда могла абсолютизироваться роль субъекта философской коммуникации. В этом случае диалогическое моделирование философской аргументации трансформировалось в ее монологическое моделирование (например, логико-метафизическое гегелевского типа). Неслучайно, по-

видимому, М.М.Бахтин называл гегелевскую диалектику монологической диалектикой. В историко-философском процессе иногда абсолютизировалась роль аудитории философской аргументации. В этом случае философская аргументация вырождалась в спор, как арену не имеющего конца спора непримиримых оппонентов. Наконец, в философской коммуникации могла абсолютизироваться роль ее средств. В этом случае природа философской аргументации интерпретировалась антидиалектически. Для обозначения данной особенности искажения диалектической природы философской аргументации до сих пор общепринятой терминологии еще не выработано (а, заметим в скобках весьма многозначное понятие метафизики, по-видимому, не самое удачное).

Перспективы диалектического моделирования аргументации, как мне представляется, будут связаны не только с выработкой общей диалектической модели субъекта, аудитории и средств философской аргументации. В этой модели, как можно предположить уже сегодня, философская истина будет прописана не в одном только разуме субъекта или сердце аудитории философской коммуникации, а будет результатом критической дискуссии, в ходе которой с помощью аргументации во всех известных философам смыслах этого слова будут сопоставляться и критически оцениваться различные доказательства, обоснования и объяснения убедительности некоторого философского тезиса.

Философия, рассматриваемая в диалектической перспективе предстанет перед нами не в качестве процесса филиации идей, арены конфронтации, на кото-

рой нет победителей и побежденных, но как открытый полилог теоретических мировоззрений и методологий, в котором точки зрения всегда будут сращены с поддерживающими их аргументами. С этой точки зрения операция изъятия из философских текстов аргументации будет тождественной не столько их выхолащиванию, сколько разрушению.

Можно предположить, что многие, если не все затруднения логического и риторического моделирования философской аргументации чаще всего являются следствием их неоправданного отстранения от особенностей философской коммуникации, полилога теоретических мировоззрений и методологий.

Несмотря на то, что мы уже немало знаем о многих важных особенностях диалектического моделирования философской аргументации, в нем еще немало белых пятен. Например, ожидает своего продолжения диалектическое моделирование особенностей современного субъекта философского творчества, экспликация роли и места профессиональной философской аргументации в жизнедеятельности человека XXI в., характер современного «встраивания» философа в диалогические отношения.

Конечно, и сегодня, как вчера, если философу нечего сказать себе самому, а репрезентируемая им истина, не затрагивает мнения, интересы и потребности других людей, то он не является философом. Ориентируясь, например, лишь на себя самого, философ вряд ли сможет отказаться от формальной логики и аргументационной риторики. Наоборот, отказавшись от логики и используя риторику не аргументационную, экспрессивную, он, скорее всего, окажется по ту

сторону философской диалогической коммуникации, трансформируется, к примеру, в культурала (С.Л. Фокин [2, с. 1137-138]).

Сегодня, как никогда ранее вопросы о том, какова природа тех диалогических отношений, благодаря которым в наши дни воспроизводится философское сообщество, каковы взаимоотношения философа с самим собой (в каком смысле возможен ли современный аналог «Утешения философией» Боэция), каковы необходимые связи философа с представителями различных секторов общественного разделения труда, с коллегами, обществом и человечеством в целом находятся на переднем крае диалектического моделирования философской аргументации. От их решения во многом и будут зависеть не только перспективы наших дальнейших знаний о природе философской аргументации, но и судьба в нашем мире философии вообще.

Список литературы:

1. *Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. М.: Владос, 1998.
2. *Фокин С.Л.* Жизнь без истории // Сюрия М. Деньги: крушение политики. СПб.: Наука, 2001.
3. *Eemeren F. van, Grootendorst R., Kruiger T.* Handbook of argumentation theory. A critical survey of classical backgrounds and modern studies. Dordrecht: Foris publications, 1987.
4. *Oliver R.* Philosophy, rhetoric, and argumentation // Philosophy, rhetoric, and argumentation. Pennsylvania: Pennsylvania state university press, 1965.

5. *Perelman Ch.* Rhetoric and humanity. Dordrecht: Reidel publishing com., 1979.

Об авторе

Чуешов Виктор Иванович - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@pac.by, tchoue@mail.ru.

About author

Prof. Viktor I. Chuyeshov, head of the Department of Philosophical Sciences, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, tchoue@pac.by, tchoue@mail.ru.